

Георгий Панкратов

Ассасин и абиссинка

Юго-восточная сказка

Едва обсохнув после моря, Гена Моргунов решил прогуляться за пивом. «Море без пива — деньги на ветер», — любил повторять, глуповато улыбаясь, обладатель маленького, но заметного пузца. Он прошел вдоль нескольких кафешек на набережной, миновал канатную дорогу, которая каждый вечер доставляла его, уже готовенького, к ужину в санаторий, а дальше начинался маленький городок — одно-двухэтажные здания, несколько узеньких улочек на холме, пересекавшихся друг с другом настолько часто, что можно было сказать вернее: переплетавшихся. От одной из них уходила вверх лестница — по ней тоже можно было добраться до санатория, но мучила одышка. Зато утром, как говорил Гена, «самое оно».

Вдоль лестницы тоже жил кто-то, к удивлению Гены. Встречаются в южных городах такие лестницы, которые в то же время и улицы, и даже названия есть у них. На этой же лестнице местные умудрились разместить еще и рынок, где торговали сувенирами и всяким недорогим барахлишком — на широких пролетах, прямо напротив чьих-то окон. Из кабинки взмывавшей над этим великолепием канатки Гена любил заглядывать к местным в окна — толком ничего не видел, но сама возможность радовала. Вообще он завидовал этим людям, жившим прямо у моря, — что еще нужно было для счастья? «Да ни хрена, — отвечал он сам себе. — Живи, блин, и радуйся».

За лестницей открывался совсем небольшой парк, разбитый санаторием покруче, чем тот, где отдыхал Гена, — туда и добираться было короче, и кое-какая инфраструктура имелась: например, большое искусственное озеро. Проще было назвать его бассейном, но «озеро» звучало привлекательнее, да и поработали над ним неплохо: из воды тут и там выросли маленькие островки с южными деревцами, а за небольшую плату можно было прокатиться на катамаране. Вечерами звучала восточная музыка, которую Гена не очень любил, но иногда терпел — а куда было деться, если она везде?

Поймав себя на недовольстве, Гена всякий раз напоминал себе же, что отдыхает. Тогда губы сами расплывались в улыбке. Так было и сейчас — ведь Гена прошел это расстояние совсем не потому, что очень хотел: просто пиво в местных магазинах было дешевле, чем в кафешках на пляже, да и выбор был больше. Устав топтать по горячему асфальту, Гена представлял, как глотнет пивка и ему

Об авторе | Родился в Санкт-Петербурге в 1984 году. Публиковался в журналах «Нева», «Урал», «Зинзивер», «Север», «Сибирские огни», «Нижний Новгород» и др., на портале «Литература». Финалист премий «Дебют» (2014), «ЛИТконкурс. Стихи и проза» (2015), премии Дмитрия Горчева (2016), входил в длинный список премии «Ясная Поляна» (2015, 2016). Участник XVI Форума молодых писателей. Автор книги «Письма в Квартал Капучино» (М.: Рипол, 2016). Живет в Москве и Севастополе.

сразу станет хорошо. А потом пойдет купаться, и станет еще лучше. А потом еще чего-нибудь придумает, чтобы совсем уж распирало. Но это будет потом.

Собственно, так он и сделал: купив литр пива, раздавил его тут же, возле магазина, на скамеечке, в тени раскинувшегося хвойного дерева, сквозь ветви и иголки которого виднелось море. Вчера, конечно, Гена перебрал — ну что ж, с каждым бывает. Главное, ошибку заметить и вовремя исправить. Чем он и занимался, кряхтя от удовольствия.

Ну а закончив, направился по той же улочке обратно, решил свернуть, чтобы пройтись вдоль побережья. От удовольствия он не шел даже, а бежал вприпрыжку, переваливаясь с боку на бок в своей смешной тельняшке и маленьком белом кепарике.

— Граждане отдыхающие, — не сразу услышал он, а услышав, не сразу придал значение: рупор висели по всему пляжу и даже на прилегающих улицах, и оттуда вещали спасатели, не давая ему даже здесь, на отдыхе, расслабиться. Обычно какую-нибудь ерунду: вроде того, что близится штормовое предупреждение или что пьяным купаться не надо. Все это Гена и так знал. Тем страшнее и неожиданнее прозвучало то, что он услышал:

— Граждане отдыхающие, — повторил рупор тревожным голосом. — Просьба вернуться в свои санатории и жилые дома и не покидать их до особого распоряжения. Территория захвачена террористами, все, кто находится не в своих домах и санаториях, будут преданы справедливому суду шариата.

«О боже!» — только и воскликнул Гена Моргунов. Вокруг него было немного людей, но те, кто услышал сообщение, поспешили вверх по улице. Рупор тревожно завыл и повторил предупреждение:

— Вам остается совсем немного времени! Поторопитесь!

«Так, — убеждал он себя, стараясь не поддаваться панике. — Раз сказали, что можно уйти, значит, можно уйти. Надо просто уйти». Он хотел бежать к пляжу, но, сделав пару шагов, остановился: если объявили здесь, значит, объявляли и там. Нужно было бежать в санаторий! К канатке? — вряд ли! А ну-ка уедь, такая толпа будет. К лестнице, точно! «Чертовы террористы», — пугливо вздохнул он.

«Говорят, обнаружили военных, которые бомбили в Сирии. Ну, здесь на отдыхе», — услышал он рядом с собой. Одна девушка, сбиваясь, рассказывала другой, и голос ее дрожал: «А наказать, похоже, решили всех».

«Как всех-то? — забеспокоился Гена и буквально физически почувствовал, как в его голове словно перекачивается желе или студень. Сдабриваемый страхом, он загустевал: думать становилось все сложнее, но Гена заставлял себя: — Я же не военный. Я ничего не бомбил. Мне дали время, я иду».

Не дойдя до пляжа, он свернул на совсем маленькую улочку, которая текла между домами и прилавками словно высыхающий ручеек. И тут он впервые увидел их.

«Террористы», — прошептал Гена. Перед ним стояли несколько человек в черных одеяниях — огромных и бесформенных, похожих на грубые мешки, и громоздких тяжелых сапогах. Их лица скрывали огромные бороды, а у кого их не было — маски. Террористы не спеша переговаривались друг с другом и по рации.

— Сначала заставим стрелять себе в ногу, — громко вещал один из них с сильным акцентом. — Потом во вторую. Потом в руку. Потом во вторую руку.

— А потом прямо в голову, — добавил второй, и все, включая рацию, громко засмеялись.

— Точно! — торжествующе воскликнул первый. — Сами всё сделают!

Услышав о планах террористов, Гена развернулся и, тихо скуля, побежал к верхней улице, где покупал пиво. Отдыхающих вокруг не было, только мрачные боевики рассредоточивались по улице, занимая позиции. Всем своим видом Гена показывал, как он торопится, и даже ворчал себе что-то под нос, вроде «Санато-

рий... Возвращаюсь в санаторий», и террористы-«одиночки» действительно не замечали его. Но впереди, как раз напротив озера, он увидел новую компанию: Гена даже не стал считать, сколько в ней человек — все одно: много. Прорываться сквозь них было опасно: так он рисковал не добраться до санатория. Под смех и улюлюканье черных людей Гена сменил курс и побежал вдоль озера.

— Возьмите нас, — услышал он жалобные голоса рядом, и голова сама повернулась в ту сторону, где было возможно спасение. Гена увидел нечто странное: к берегу озера прибились катамараны, и в них сидели непонятно откуда взявшиеся люди, которые тихо и коротко сообщали цену стоявшим на берегу отдыхающим. Охваченные паникой, те готовы были отдать последние деньги.

Люди из катамаранов приглашали их на борт коротким жестом. Затем семья, пара или несколько одиночек заполняли все свободное пространство плавучего средства и отбывали, а к ищущим спасения отдыхающим подходил новый катамаран. «Кто они все такие? — думал Гена. — Из санатория, что ли? Или местные подсустились?» В некоторых катамаранах, впрочем, сидели суровые бородатые мужчины в черном — арабы, решил Гена. Они никого не подбирали и лишь злобно посматривали вокруг, сверяя по часам время, и если отдыхающий по незнанию бросался к такому катамарану, сразу же отстранялся в ужасе и скорей бежал к тем, с кем можно было договориться.

— Куда вы везете? — крикнул Гена толстой смуглой женщине, которая подогнала свой катамаран к берегу аккуратно напротив него. Такой вариант казался наиболее безопасным, однако Гена не понимал одного: — В свой санаторий? А если я не оттуда? То просто в лес? И дальше — пряться как хочешь?

Толстая женщина посмотрела на него с интересом. У нее была восточная — даже слишком восточная — решил Гена — внешность, но (что казалось самым странным) в ее глазах читался совсем другой Восток: не тот, где молчаливые убийцы отрезают головы неверным, а тот, где Шахерезада читает свои сказки, где сладкие женщины любят горячих мужчин и в волшебных садах срывают прекрасные фрукты. Она смотрела на него так, словно бы и не было беды, словно бы не нужно было сматывать, судорожно доставая из кармана и пересчитывая последние деньги. У Гены в кармане оказалась двадцать одна тысяча рублей, и он даже вздохнул с радостью: «За мою-то жизнь точно хватит».

— Тебя — хоть на край света увезу, — томно ответила толстая женщина.

— Возьмете? — Гена протянул ей деньги и сам не заметил, как все быстро произошло: вот он уже сидит рядом с женщиной, и они отплывают от берега, и только краем уха слышна ругань боевиков в черном и жалобные возгласы будущих жертв, кому не хватало на спасение.

— Никуда не уйдешь! — рассмеялся прямо в ухо голос с акцентом. — Тут всё под контролем.

Гена заметил, как они случайно задели, отплывая, катамаран с «вершителями судеб», и один, самый горячий «араб» уже схватился за автомат, но женщина крикнула ему что-то на непонятном языке, и компания боевиков умолкла.

— Эти еще ладно, — бросила она Гене. — Так, исполнители. Главные пока не пришли. Они их ждут.

— Куда мы? — жалобно спросил Гена.

— До того берега, — сухо ответила женщина. — Там попробуем по лестнице рвануть. Я вообще-то тоже наверху живу.

Гена не успел поинтересоваться, откуда она знает, что и ему нужно наверх, как женщина, отвлекшись от управления плавсредством, буквально схватила его в охапку и страстно поцеловала.

— Вот будет твоя плата, — сказала она, тяжело дыша. — Я так соскучилась за лаской... За мужской лаской. За массажами, за поцелуями, за нежностью, за страстью! — она сверкнула глазами.

— Как-то, — осторожно сказал Моргунов, тревожно оглаживаясь, — не до этого.

— Вам, мужикам, всегда не до этого, — недовольно сказала толстая женщина, и Гена, бросив на нее взгляд, немедленно вспомнил, кого же она так ему напоминает. Ну конечно! Он читал в каком-то журнале, перед самым отпуском — про абиссинок: какой-то приключенческий рассказ. Они там представляли воинственными и страстными женщинами, почти что амазонками, только восточными, а уж было ли это правдой или выдумкой — того Гена знать не мог. Да и не хотел, говоря по правде.

— Ты как абиссинка, — рассмеялся он, внезапно осознав: как же прекрасно, что судьба подбросила ему эту женщину. Она — его спасение сейчас, и пусть это спасение будет какой угодно ценой, главное — пусть оно будет!

— Чего это я абиссинка?

— Не знаю, — снова рассмеялся Гена, хватая ее за толстые бока. — Где-то читал про вас, про таких вот... Абиссинка моя.

Они пристали к берегу в тени деревьев — здесь не было ни причала, ни отдыхающих. А можно ведь сказать и «отдыхавших»? Ведь к этому моменту никто уже не отдыхал. «Вылазь», — тихо сказала «абиссинка» и подала ему руку, а затем почему-то добавила, насмешливо глядя в глаза: «Ассасин!».

— Ассасин? — переспросил Гена. — Это я-то?

— Ага, — довольно ухмыльнулась «абиссинка», обнажив нестройный ряд желтых зубов.

— Кто такой? — буркнул Гена.

— Не знаю, — рассмеялась женщина. — Я тоже читала где-то. Про ассасинов. Вот ты мне напомнил! — она потрепала его щеки и снова вдохновенно поцеловала.

— Нам надо бы спешить, — напомнил «ассасин».

— Не ссы, — ответила «абиссинка». — Прорвемся.

Они обогнули озеро, двор чьего-то маленького дома и юркнули, словно пушечные кошки, на лестницу.

Моргунов заглядывал в окна в надежде найти в них спасение. Но все окна были закрыты и занавешены: хозяйева прятались от нависшей угрозы. Он был одним из немногих, кто еще не скрылся. Правда, на рыночке, обустроенном вдоль лестницы, тоже наблюдалась — теплилась, скорее, — жизнь. Торговцы магнитами и сувенирами, все люди восточного типа, только чрезмерно, почти показушно худые — невеселыми голосами обсуждали что-то на своем языке, сгрудившись у лотков. К удивлению Гены, они не спешили складывать свой нехитрый товар.

— А вы чего, заодно с ними? — осмелев, спросил Гена. Признаться, он сразу понял, что торговцы неопасны, и заранее знал ответ. Потому, собственно, и спросил.

— Мы просто торгуем, может, кто из них что купит, — всерьез отвечали торговцы. — Ну, на память, что они были здесь.

— Ассасин, отстань от людей, — бросила Гене женщина и повернулась к торговцам: — Души они ваши купят, — в сердцах крикнула она, — и шайтану продадут.

— Нам все равно идти некуда, — спокойно ответил один из торговцев, настолько старый, что ему спокойно можно было дать лет сто на вид. Что Гена и сделал. — Наш дом — эта лестница. А ты не успеешь, — с сожалением в голосе произнес он. — Судьи уже спускаются.

— Судьи? — переспросил Гена, но «абиссинка» немедленно закрыла ему рот своей толстой рукой и потащила в укрытие — единственным, что на него здесь походило, были несколько крупных камней с половину человеческого роста прямо напротив лотков. Это место отлично просматривалось из окон, да и, загля-

нужно за камни, кто угодно сразу бы обнаружил беглецов. Но других вариантов уже не было, а добираться куда-то еще было поздно.

Но Гена толкал «абиссинку» в бок и ныл:

— Ну пойдем наверх, дорогая моя, ну пойдем же! Мы не спрячемся здесь, понимаешь, не спрячемся.

Но та лишь шипела на него и прикладывала палец к своим полным губам:

— Будь ассасином! — шептала она.

Моргунов бросил взгляд наверх: туда, где кончалась, если смотреть снизу, лестница. И начиналась — для тех, чьи жуткие головы в масках там появлялись. Воздух вокруг черных голов словно плавился и кипел, все сливалось воедино, и только черные маски, а вслед за ними широкие тела экипированных боевиков, их ровно шагавшие ноги в страшных сапогах были видны невыносимо отчетливо — настолько, что у Гены задрожали пятки: он видел, как вышагивает смерть — на неминуемую для него встречу.

Боевики шли спокойно, уверенно, не торопясь. В руке у каждого Моргунов увидел по автомату, и это зрелище совсем лишило его рассудка.

— Пойдем к тебе, любимая, — зашептал он, чувствуя нестерпимый жар в голове. — Ну пойдем же, чего мы медлим?

Но чем ярче разгоралось пламя в голове, тем сильнее цепенела грудь, скованная ледяным страхом: бежать было действительно поздно, и любое движение теперь не имело никакого смысла. Ни вверх по лестнице, ни вниз. Нужно было признаться себе: они не успели.

— Что теперь будет? — шептал Гена. — Что теперь будет?

«Абиссинка» хранила молчание и смотрела перед собой. Моргунов нащупал ее руку и что было сил сжал. Он понимал, что основное «представление» будут давать внизу, на пляжах или возле пляжей: туда согнали тех, кто не спрятались. Но ведь и они не спрятались — ведь и их могут «зацепить» по пути, зажатых здесь, на площадке этой древней лестницы. Ну а что дальше? Дальше будут убивать. Как именно — Гена не желал и думать, так ли это было важно?

Он вспомнил, что чувствовал, когда по телевизору показывали ролики, снятые террористами. Смотрел, как ставят в ряд обреченных пленников в оранжевых робах — ставят на колени, чтобы отрезать им головы. Он сопереживал этим жертвам — так, как вообще способен сопереживать обыватель у телевизора, уверенный, что «это всё там, где-то». Но самым диким ему казалась вовсе не сама казнь, а море. Море за спиной у обреченных. Все, что Гена знал о жизни к своим годам, противоречило тому, что он видел, все кричало ему о том, что такого просто не может быть, что это не тот мир, где родился и жил Гена, а какой-то другой, да и не мир вовсе.

Обреченные стояли спиной к морю и знали, что никогда не увидят его больше. Но слышали его шепот, его шелест, дыхание вечной жизни — в последний миг за своими спинами. Как это было странно: один человек родился на этот свет, чтобы отрезать другому голову, другой — чтобы отрезали голову ему. Почему он не вскочил, не закричал: идите вы к чертовой матери все, я хочу искупаться, здесь же, в конце концов, море! Я родился в этот мир, где есть чудесное море, почему я должен стоять на коленях и ждать смерти? Я хочу не этого, я хочу купаться. Купаться — и жить. И на бесконечном побережье, где-нибудь за сотни километров от пустынного места казни, гуляли, танцевали, мечтали, обнимали друг друга другие люди, и сверкала огнями набережная, а здесь — у того же самого моря, не такого же точно, а просто того же — резали головы. «Ведь море — оно... — думал Гена, сбиваясь. — Это последнее, что... Море не может... Не может».

Внезапно он ощутил легкое прикосновение к своей руке и вздрогнул, но тут же вздохнул с облегчением: оказалось, к ним прибилась кот. Теперь кот ластился

к людям, совсем не понимая, почему одни сидят, дрожа, за камнями, а другие шагают по лестнице, вооруженные до зубов, и как это между собой связано.

«У них не может быть котов, — подумал Гена. — У них вообще ничего, кроме смерти, быть не может».

Гена решил, что боевики непременно расстреляют кота — может, как символ противной им цивилизации, может, как живое выражение ненавистных им человеческих чувств. Он схватил кота и крепко прижал его к асфальту. Тот поддался, лишь замахал недовольно хвостом.

«В чем я могу быть виноват? — продолжал лихорадочно думать Гена. — Если станут убивать, что я скажу им? Я разве ж был против? Я даже не знал, кто они, зачем, чего хотят». Он начал представлять, как будет вести себя перед смертью. Умрет на коленях? Или откажется встать на колени? Ведь все равно убьют, какая разница как — хуже смерти ничего не будет. Да, пожалуй, он не встанет. Крикнет: я рожден быть счастливым, я хочу купаться в море! Он ведь хряпнул пивка, к тому же, и оно еще даже не выветрилось.

Он покосился на «абиссинку». Та, кажется, тихо читала молитву. Но Гену охватила новая волна ужаса, и он толкнул женщину. «Почему я поддался на ее уговоры? — укорял он себя. — И пошел сюда с ней?»

— Говори, говори что-нибудь! Только не молчи, пожалуйста! Говори со мной хоть о чем-нибудь.

Но вместо желанного голоса «абиссинки» услышал совсем другой — хриплый и грозный — голос за спиной. Боевики поравнялись с ними и остановились, но заинтересовали их торговцы.

«Что тут делаешь? Торгуешь? Чем торгуешь? Неверным продаешь?»

Торговцы отвечали, как могли, с достоинством, но дрожавший голос выдавал в них сильный страх.

«А что если твоих сестер возьмем и проверим?»

Гена ждал, когда начнутся угрозы, и они начались. Как эти страшные люди собрались «проверить сестер», он и думать не хотел, все его мысли сконцентрировались в одной: только бы не увидели, только бы не нашли. Взгляд устался на асфальт — там была сильная трещина, из нее рос тоненький зеленый стебелек и сновали туда-сюда муравьи.

«Не надо, не надо!» — слышался испуганный голос из-за камней, и следом за ним — грозный: «Тогда все это — наше! И деньги тоже. Понятно?»

Боевики разворачивались и продолжали свой путь. Гена даже считал их шаги: вот один вроде начал спускаться, второй, третий. Спор с торговцами закончился, сейчас они уйдут, убеждал он себя. Должны, должны уйти — пульсировало в висках.

Время остановило ход, а вселенная сжалась до стебелька и муравьев. Довольно заурчал кот под ослабившей хватку рукой Гены, наслаждаясь солнцем и свободой. Шаги затихали, и еще секунда — в иссушенной голове взметнулся бы фонтан счастья: «Спасены! Спасены!», и Гена бросился бы с поцелуями на «абиссинку», но тут он почувствовал, как плечо обожгло прикосновение. Он даже не понял, была ли это рука последнего из боевиков, который решил проявить бдительность, или просто стало жарко плечу. Он не успел этого понять, потому что в следующий миг ничего уже не было.

Об этом известил рупор, который висел себе спокойно все это время на фонарном столбе, освещавшем лестницу жаркими вечерами. Гена и забыл о нем, а точнее, никогда не знал.

— Граждане отдыхающие! — он жадно вдыхал информацию, с каждым словом будто рождаясь вновь. — Сохраняйте спокойствие! Вы стали жертвой группировки гипнотизеров, известной как «Гипно-ИГИЛ». В настоящий момент группировка обезврежена, принимаются необходимые меры. Кто отдал деньги пре-

ступникам или иным способом пострадал от их действий — обращайтесь в береговое отделение полиции. Повторяю: обезврежена группировка...

Гена вскочил и, крича что-то неразборчивое и дикое, будто индеец перед последней атакой, перепрыгнул через камни и в две секунды преодолел несколько лестничных пролетов. Он бежал к пляжу, бежал туда, где еще совсем недавно планировалась массовая казнь, где ходили бородатые «арабы» в черных одеяниях и страшных сапогах. Бежал, забыв обо всем на свете, расталкивая людей и натываясь на столбы, палатки, рекламные стенды. Бежал, пока не увидел.

На огражденном пространстве посреди набережной сидели двое худощавых молодых людей, небрежно одетых, с засаленными длинными волосами, на вид — студентов. Один из них был в очках, что только убеждало Гену Моргунова в его догадке. Сидевших в наручниках «студентов» охраняли несколько полицейских.

— Эти? — Моргунов хотел крикнуть, но получился только сдавленный хрип.

— Ага, — безучастно ответил полицейский. — Промышляют гипнозом. Давно их ловили. Вот, к нам приехали.

— Вы чего, — Гена подошел к самому тощему «студенту» в очках и ответил ему подзатыльник, — людей-то пугаете? Ишь ты, ИГИЛ...

— Вы проверьте, деньги-то на месте? — сказал полицейский. — Не отдавали?

— Не отдавали, — раздался женский голос рядом, и Гена вздрогнул: он увидел полную блондинку в закрытом купальнике и с большим апельсином в руке — собственную жену.

— Они этот цирк весь придумывают, — продолжил полицейский. — Внушают всем, что кругом арабы, и отдыхающие, чтобы спрятаться, им платят деньги. А сами на катамаранах их отвозят: человек в стрессе, ни хрена не понимает. Вокруг озера прокатят — и готово. А денежки — в карман. Еще пятеро в отделение уехали. Но те — чисто сообщники, за массовый гипноз не отвечали. Прикиньте, до чего дошли, а? ИГИЛ, эти их налево!

Но Гена уже не слушал полицейского: он достал из кармана двадцать одну тысячу и предъявил жене:

— Целехонькие, — рассмеялся он.

— Целехонькие потому, что я не взяла, — вздохнула жена. — Пошла искать, а тебя, дурень, хрен найдешь. Пиво небось где-то хлещешь. Ну, скучно стало, дай, думаю, пойду на эти... катамараны. Покатаюсь.

Гена сумасшедшим взглядом посмотрел на жену, потом перевел его на полицейского, но тот лишь пожал плечами: мол, ничего не знаю.

— А че? — наконец, сказал тот. — Запугивают так, что человек мать родную не узнает. Это ж гипноз, е-мое.

— Так почему ты называл меня абиссинкой? — примирительно сказала жена, приобнимая Гену.

— Говорю же — читал где-то, — дурным голосом рассмеялся он, все еще не веря в то, что все так закончилось. — А ты меня — ассасином. Какой я тебе ассасин?

— Так и я читала, че, — рассмеялась жена, и они пошли в сторону пляжа, продолжая посмеиваться: ассасин, абиссинка, ну надо же! «Ночью будет во что поиграть», — хитро подумал муж, а жена, притянув Гену к себе, положила ему в рот ароматную оранжевую дольку.

— Ас-са-си-на а-бис-син-ка, — сказала она, растягивая каждый слог, — у-го-ща-ет а-пель-син-кой!

Моргунов поперхнулся от смеха, и жена долго стучала по его спине.

«Граждане отдыхающие! — раздался бодрый голос в рупоре. — Просим вас не купаться в нетрезвом виде и не заплывать за буйки. Желаем хорошего отдыха!»